

18+

ЕЛЕНА ЯНГЕ

СТАРЫЕ ЗЕРКАЛА

исторический роман 1960 — 2010 г.г.

Елена Янге

Старые зеркала

«Издательские решения»

Янге Е.

Старые зеркала / Е. Янге — «Издательские решения»,

Исторический роман 1960—2010 г.г. отображает смысл «Старые зеркала»: «Вчера не догонишь, от завтра не уйдешь». Подобное притягивает подобное, всё внешнее отражение внутреннего. Главный герой Максимилиан проходит свой путь от юношества к зрелости: чтобы найти себя, нужно прежде потерять. Каждый человек стоит перед выбором: или влиться в поток, или войти с ним в противоречие, чтобы обрести свою суть.

© Янге Е.

© Издательские решения

Содержание

«И Свет во тьме светит,	6
Пролог	7
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	12
Глава 3	18
Глава 4	21
Глава 5	25
Глава 6	29
Глава 7	33
Глава 8	36
Глава 9	41
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Старые зеркала

Елена Янге

Корректор Виктория Лакбильд

© Елена Янге, 2026

ISBN 978-5-0070-9763-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«И Свет во тьме светит, и тьма не объяла Его...»

Роман Елены Янге «Старые зеркала» — и новаторский, и традиционный: он сохраняет удивительные традиции русской литературы, всегда ориентированные на правду, добро, красоту и чистоту, и в то же время обладает новизной и свежестью ясного, незамутнённого взгляда на мир: на людей, их взаимоотношения, строительство их судеб. Написанный просто, изящно, солнечно, прозрачно, весь роман, естественный, как дыхание, дарит читателю забытую радость обретения чувства жизни и вкуса к жизни; это одновременно и возвращение к забытым, мерцающим в полумгле детства и юности истокам бытия, и обращение к мудрости, к которой, интуитивно или осознанно, движется каждый человек. Вместе с главным героем Максимилианом вы пройдёте путь поиска и надежд. Будете радоваться препятствиям и стремиться к любви. И будете вознаграждены. Несомненная внутренняя, смысловая грация романа в том, что он ничего не навязывает читателю; автор словно бы уходит в тень, позволяя размышляющему над поворотами судеб изображённых в романе людей самому понять, определить вектор истинности или заблуждения, неожиданности или ожидаемого. Хорошо и то, что через простые ситуации и положения писателю удастся «просветить», как волшебным рентгеном, всю сложную вертикаль жизни. Как много мы знаем людей, изменивших своему призванию, далеко ушедших от своего предназначения! И какое счастье — реализовать себя! Елена Янге — автор, который дарит своему читателю эту великую радость: быть и остаться собой, найти себя, обрести любовь и свет наперекор любой тьме.

*Елена Крюкова
прозаик, поэт, искусствовед,
член Союза писателей России,
Творческого союза художников России,
лауреат российских и международных премий*

*«Изнутри просияло облако,
Стало вдруг светло и таинственно...»
София Парнок*

Пролог

Чёрная туча улеглась на Москву и, накрыв дома, громко всхлипнула.

«Сплошная тьма», — подумал Максимилиан.

Небритый, худой, со спутанными волосами — он стоял у окна и ждал грозы. Душа была наполнена безысходностью. Видимо, похожее чувство у тех, кто приговорён к расстрелу. Будущего нет, сопротивляться бесполезно, осталось одно — ожидание конца.

Гроза подползала незаметно. Она сверкала зарницами, рокотала, сыпала небольшим дождём. На миг всё затихло. И вдруг небо расколосось. Молния выскочила из небесной бездны и, вспоров тучу, носом уткнулась в землю. Раздался оглушительный рык грома. Казалось, на Москву прыгнуло чудовище. Оно сверкало глазами и беспрестанно ревели. Небесной канонаде подпевал ветер.

Максимилиан открыл окно и жадно вздохнул. Энергия грозы всколыхнула сердце и разбудила память. Максимилиан будто бы ожил. Глядя на молнии, он впитывал небесный свет и ловил обрывки воспоминаний.

Яркое солнце, синее небо, множество железнодорожных путей. Рельсы сверкали на солнце, между ними — небольшие пространства земли. Максимилиан чувствовал, как душу сжимает страх. А тут ещё ветер. Он выскочил из-за косогора и принёс звуки тревожных гудков. На горизонте появились сотни поездов. Они неслись, как гигантский каток. Максимилиан побежал. Поезда приближались, а с ними летел ветер. Макс ощущал его дыхание и понимал: ветер — его друг. Энергия ветра придавала силы, и Макс бежал всё быстрее и быстрее. Вот уже лес, вот... Вдруг рельсы повернули направо, и Максимилиан, подхваченный ветром, поднялся в небо. Он летел в воздушном потоке и видел уже другую картинку. Блестящая спираль, сотни поездов, и все они неслись к одной точке. Поезда были как на ладони. Они приблизились к последнему витку, с надрывом свистнули и пропали. Были — и нет. Пространство заполнила тишина. Ни гудков, ни стука колёс, ни свиста ветра. Небо и рельсы. А между ними Максимилиан.

И вдруг тишину наполнил голос отца:

— Каждый стоит перед выбором — или влиться в поток, или войти в противоречие.

В первом случае мы расширяем границы мира, во втором — падаем вниз.

Макс поёжился, подошёл к бару и налил полстакана водки. Выпив, он задержал дыхание и шумно выдохнул. Вернувшись к окну, Максимилиан вцепился в подоконник и уставился в чёрную мглу. Мягкий свет торшера освещал комнату. В оконном стекле отражалась фигура худого высокого мужчины. Его густые волнистые волосы были зачёсаны назад, виски серебрились от седины. Глубокие носогубные складки спускались к безвольному подбородку, на лбу залегли морщины, в больших миндалевидных глазах притаилась боль.

Максимилиан обернулся. Немного подумав, он подошёл к бару и снова налил водки.

— Падаю вниз, — пробормотал он.

Пророкотав в последний раз, гроза ушла на восток. На Москву опустился вечер.

Он щеголял в розово-золотых одеждах и благоухал озоном.

Максимилиан захлопнул окно. Яркие краски его раздражали. Он лёг на кровать и закрыл глаза. Сквозь алкогольный дурман пробивался голос отца.

«А чтоб его!» — поморщился Максимилиан и закрыл голову подушкой.

Голос отца ослаб.

— Моменты вращения находятся в точке изменения направления движения, — шептал голос. — Здесь образуется импульс, и тот, кто его проморгал, будет сметён с пути. Это понятно?

Максимилиана тошнило. Он вылез из-под подушки, опять повернулся к окну. Небо было залито перламутром. Последний луч солнца блеснул на шпиле Главного корпуса МГУ,

и сумерки вступили в свои права. Максимилиан закрыл глаза и увидел белые стволы берёзы. Они тянулись вверх, и ослепительно-синее небо обнимало пышные кроны.

Казалось, это — знак. Дескать, посмотри на небо и отряхни пыль со своих ног.

Макс запрокинул голову, и на него хлынул свет. Он пробежался по телу, разбудил чувства, наполнил энергией кровь. Неожиданно для себя Максимилиан вспомнил первую лекцию в МГУ.

«Человечество всегда представлялось мне в виде множества блуждающих в тумане огоньков, которые смутно чувствуют сияние, рассеиваемое всеми другими, — говорил тогда академик Колмогоров. — Но все мы связаны сетью ясных огненных нитей. Каждый в одном, двух, трёх... направлениях. И возникновение таких прорывов через туман к другому огоньку вполне разумно называть „чудом“».

Часть I

Под каблуком

Глава 1

— Имя — визитная карточка человека, — сказал Александр Владимирович. — Так что назовём сына Максимилианом, что в переводе с латыни — «величайший из рода Эмилиев».

Связь с родом Эмилиев Людмила Ивановна не уловила. Она поступила проще — стала называть сына Максом. Александр Владимирович не возражал. Полистав книги по детской психологии, он погрузился в составление плана развития Максимилиана. Сюда входило множество дисциплин: знакомство с музыкой, историей, живописью, литературой, приобщение к театру. Отсутствовало одно — физическое воспитание. Причина была очевидной: Александр Владимирович и спорт находились в параллельных мирах.

Выполняя план мужа, Людмила Ивановна водила Макса в цирк, на концерты, в театры; учила мальчика читать и писать. Когда сыну исполнилось пять лет, Александр Владимирович объявил о векторном этапе развития. Начало положил исторический вектор, вслед за ним появились музыкальный, литературный, естественнонаучный.

Всё бы хорошо, но Макс часто болел. Максимилиана перевели на индивидуальное обучение, и в квартиру профессора Маушевского зачастили учителя. Перевести на индивидуальное обучение было непросто, но Александр Владимирович нажал на нужные «клавиши», и всё устроил.

Игра на «клавишах» шла по накатанной схеме.

Александр Владимирович звонил нужному человеку и говорил:

— Здравствуйте, это профессор Маушевский.

— Добрый день, — отвечали ему.

— Вы от кого?

— От Павла Петровича.

Кто такой Павел Петрович, ни Людмила Ивановна, ни Макс не знали. Может, декан факультета МГУ, может, партийный босс.

Суть не в этом. Александр Владимирович получал то, что хотел.

Невысокий, полный, с аккуратно подстриженной бородкой — профессор Маушевский, по сути, был настоящим артистом. Его голос обволакивал слух, улыбка дарила тепло, костюм радовал взгляд. Александр Владимирович действовал по Карнеги — улыбался собеседнику и многократно повторял его имя. Тактика работала безотказно. Профессор Маушевский очаровывал дам, вызывал симпатию студентов, легко заводил нужные знакомства.

Максимилиан обожал отца и ждал общения с ним, как награды. Временами отец предлагал погулять.

— Пойдём, обнажим наши души, — говорил Александр Владимирович. Отец и сын шли к Воробьёвым горам, и профессор Маушевский испытывал удовлетворение. В таких прогулках было всё, что он любил: серьёзные разговоры, словесная игра, обстоятельные рассуждения.

Макс и Александр Владимирович проходили сквер и останавливались на набережной. Глядя на Москву, профессор Маушевский рассуждал о зыбкости будущего, непоколебимости прошлого, призрачности настоящего. Он говорил витиеватыми фразами и молодел на глазах. Максимилиан многого не понимал, но рассуждения отца были интересны. Они будили воображение.

Мальчик начинал фантазировать, и его мысли уносились в неведомые края. Иногда Максусу казалось, что он прилетел с далёкой планеты. Опасное приземление, важное задание на грани жизни и смерти. Стоит его выполнить, как Макс исчезнет и растворится в Космосе. Эта мысль приносила грусть и радость одновременно. Грусть — оттого, что не хотелось умирать, радость — от чувства выполненного долга.

Университетский сквер был вторым местом прогулок. Сквер примыкал к Главному корпусу и тянулся до смотровой площадки. Здесь царил идеальный порядок: дорожки, посыпанные кирпичом, канадские ели, бассейн с каменными кувшинками. Вокруг бассейна росла сирень и стояли бюсты учёных. Усевшись на лавочку, Макс замирал. В такие минуты он слышал голоса. Учёные старцы обсуждали научные проблемы, птицы выясняли отношения, ветер болтал с кувшинкой.

— Что нового? — спрашивала кувшинка.

— Жизнь удивительна, — отвечал ветер.

— Чушь. Жизнь скучна и однообразна.

— Посмотри вокруг, — шелестел ветер. — Видишь, сирень зацвела.

— Ну и что? Она цветёт каждый год.

— Я не о том. Нынче такие цветы...

— Подумаешь, — ворчала кувшинка. — Скоро лепестки упадут и превратятся в труху.

— До этого ещё далеко. А сейчас... Сейчас они живут полной жизнью. И дарят радость.

Ветер подлетал к кустам и целовал лепестки сирени.

— Какие нежности, — фыркала кувшинка. — «Дарят радость», «жизнь удивительна».

Слова, и ничего больше.

Макс знал этот сквер с раннего детства. Слева от бассейна располагались бюсты Павлова, Мичурина, Попова, Докучаева, Чернышевского, Лобачевского; справа стояли бюсты Жуковского, Тимирязева, Менделеева, Чебышёва, Герцена, Ломоносова. Время от времени Макс подходил к одному из старцев и пытался завязать разговор.

— Папа говорил, что ты вырастил антоновку, — глядя на Мичурина, заявлял мальчик.

Мичурин не отвечал.

Макс поворачивался к Павлову.

— Ты был врачом.

Тишина, за ней чуть слышный вопрос: «Что вырастет из тебя, маленький фантазёр?»

— Я буду волшебником.

Сжав губы, Макс ждал возражений. Он знал, чудеса существуют, но, к сожалению, взрослые в них не верят.

Мальчик обходил бюст Павлова и, спрятавшись за кустом, бормотал:

— Когда стану большим, тебя расколдую.

Взгляд академика теплел. Что и говорить, стоять на постаменте мало радости. Слезть бы с него, пройтись...

Главный корпус смотрел на Макса и качал золотистым шпилем.

«Ох уж эти мальчишки. Одно беспокойство от них».

Солнечные лучи, усевшись на шпиль, посылали солнечных зайчиков. Те лезли в носы прохожим, прыгали по дорожкам, скакали по ветвям сирени. Макс и профессор Маушевский перемещались в сквер между физфаком и химфаком. Александр Владимирович заводил разговор о силе разума, рациональном восприятии мира, загадках природы. Усадив сына перед памятником Ломоносова, он говорил:

— У меня важная встреча. Подожди пару часов.

Профессор Маушевский удалялся, и Макс замирал. Он впитывал запахи сквера, слушал разговоры студентов, ворчание Главного корпуса.

— Осень всегда кончается неожиданно. Утром ясно, вечером — дождь. А у студентов ничего не приготовлено. Ни тёплых курток, ни перчаток, ни шапок. Что за беспечность! Хотя чему удивляться — молодость всегда беспечна.

Главный корпус вздыхал и, расправив могучие плечи, оглядывал близлежащие окрестности. Внизу красовались физфак, химфак и биофак. Между ними — памятник Ломоносову, скамейки, дорожки, посыпанные кирпичом. Ветер носился по скверам и развлекался с листвою. Листья опускались в фонтаны и падали на скамейки. Ветер был счастлив. Осень — его время. Ветер поднимал жухлые листья и, окунув их в лужи, плевался в университетские окна.

— Вот проныра, — вздыхал Главный корпус.

Ветер веселился от души. Он пронёсся в арках, пригибал кусты, раскачивал фонари. Ему было на всех наплевать. И на Главный корпус, и на студентов, и на двадцать девять факультетов.

— Старый дурак, — усевшись на шпиль, кричал ветер.

— Тише-тише, — волновались фонари. — Сколько можно шуметь?

Главный корпус не шевелился. Высоко подняв шпиль, он смотрел на Москву.

«Шпиль — моя гордость. Он связан с солнцем. А может, со Вселенной. Да-да, так и есть. Над Москвой два светила: одно — на небесах, другое — на шпиле».

На МГУ опустились сумерки, вдоль дорожек зажглись фонари. Ворох опавшей листвы кружился в воздухе и распадался на части.

— Тише-тише, — ворчали фонари.

Макс посмотрел на фонари. Холодно, зябко, сыро. Каково им стоять на ветру?! Днём и ночью, осенью и зимой. Ни развлечений, ни книг, ни свободы.

«Хорошо, что я — не фонарь, — подумал мальчик. — Могу ходить, читать, смотреть телевизор. А у фонарей — только работа. Свети и свети».

Кутаясь в шарфы, мимо бежали студенты. Они напоминали мышей. Макс мысленно бежал с ними, заходил в вестибюль метро, спускался на эскалаторе. В метро — ни мрака, ни сырости, ни порывов ветра. Тепло и уютно. К платформам неслись поезда и, впуская в себя уставших людей, устремлялись в туннель.

— Тук-тук, домой. Тук-тук, быстрее.

Поёжившись от холода, Макс перевёл взгляд на высотку. В понимании мальчика Главный корпус олицетворял то, о чём говорил отец, — величие и основательность.

У сквера остановилось такси. Из машины вышел Александр Владимирович и помахал Максу рукой. Мальчик сорвался со скамейки.

— Па-а-а! — крикнул он.

— Ну-ну, — улыбнулся Александр Владимирович. — Вижу, заждался.

Прижав сына к груди, он шепнул: — Маме ни гу-гу. Договорились? Скажешь, что были в цирке.

Хранить секреты Максимилиан умел. Людмила Ивановна так и не узнала, что в ожидании отца он просиживал на скамейке несколько часов подряд. Но Макс не роптал. Для него ждать — не проблема. Вот только холодно.

Макс сел в машину и мысленно помахал рукой Главному корпусу. Дескать, и у меня два светила. Первое — солнце, второе — отец.

Глава 2

К матери Макс относился как к самому близкому и родному человеку. Мать была для Максимилиана лучом, озаряющим мир. В отличие от Александра Владимировича, Людмила Ивановна не вещала, стоя на пьедестале: она растворялась в сыне и дарила ему любовь.

Людмила Ивановна была красивой женщиной: мягкие черты лица, боттичеллиевский лоб, тёмные чуть влажные глаза, высокий бюст, маленькие кисти рук. Словом, воплощение женственности. Для Макса мать была доброй волшебницей. Она появлялась незаметно, говорила без пафоса, не лезла с советами. Интеллигентная, мягкая, доброжелательная — Людмила Ивановна не любила сплетен и трепетно охраняла личную жизнь. О чём она думала? Макс не задавал подобных вопросов. Мама спокойна — и хорошо. Если возникнет необходимость, она решит любую проблему. Что ещё надо ребёнку?

Макс знал: мать родилась в семье работника МИДа. Его дед — отец Людмилы Ивановны — в тридцатых годах работал в Англии в советском посольстве. В Лондоне Мила и родилась. Как говорил Александр Владимирович, Людмила Ивановна должна получить английское гражданство по праву рождения. Однако этим вопросом Людмила Ивановна не занималась. Её родители умерли, контакты в МИДе потеряны, да и зачем второе гражданство? Александр Владимирович не одобрял подобной позиции, однако не распространялся на эту тему. Главный акцент в политическом воспитании сына сводился к светлому будущему СССР.

Макс верил отцу. Тот был профессором политэкономии и хорошо разбирался в общественно-политических вопросах. С пятого класса в обязанности Макса входила покупка газет и журналов. Мальчик спускался к киоску «Союзпечать» и покупал для отца «Правду», для матери — «Литературную газету». Толстые журналы приходили по почте.

После седьмого класса Макса отправили за границу. Эту поездку устроил отец. Узнав об обмене школьными делегациями между Москвой и Прагой, профессор Маушевский нажал на нужные клавиши и добился того, чтобы в вожаденный список включили его сына.

Советскую делегацию разместили в одной из школ Праги. Девочки жили в классных комнатах, мальчики — в спортзале. Скромная обстановка не вызывала дискомфорта. Завтрак и ужин — в школьной столовой, обед — в кафе, досуг — на спортплощадке. Первую неделю заполнили экскурсии, соревнования, встречи в Союзе советско-чехословацкой дружбы. Завершающая часть программы — знакомство с чешской семьёй. По плану, утверждённому в вышних инстанциях, каждый член советской делегации должен был прожить три дня в семье чешского сверстника.

Максимилиан попал в гости к Ярке. Тот не раз принимал участие в совместных экскурсиях, и Макс симпатизировал этому парню. Однако общение в коллективе — это одно, проживание в чужой семье — совсем другое.

Для Макса последние два дня были испытанием. Родители Ярки плохо говорили по-русски, к тому же другой быт, чужие привычки, иная среда. Макс нервничал и мечтал об одном — вернуться в спортзал. Там, по крайней мере, свои. Друзья Ярки тоже не вызывали восторга. Подростки курили, пили пиво, прилюдно целовались. Первая прогулка провалилась по всем статьям. Макс хмурился, Яркины друзья отпускали непонятные шутки. На второй день Макс заметил гитару. Он уселся в сторонке и начал перебирать струны. Вскоре Макс оказался в живом кольце. Чешские ребята одобрительно кивали в такт музыке и даже аплодировали. Дескать, всё хорошо — продолжай. Максимилиан вспоминал то, чему учился в музыкальной школе. Он сыграл польку, вальс, мелодии популярных песен. Конечно, он волновался. От напряжения у него затекли ноги, щёки полыхали огнём.

И тут Макс ощутил нежное прикосновение. Он поднял глаза и увидел симпатичную девушку.

— Мартина, — улыбнулась девушка.

Макс покраснел и чуть слышно представился:

— Максимилиан.

— Сыграй «Подмосковные вечера». А я спою.

Макс кивнул. Он взял нужные аккорды, и Мартина запела:

— Не слышны в саду даже шорохи...

Мартина пела чисто, с чуть уловимым акцентом.

— Ей отец — русский, — пояснил Ярка.

То ли Мартина «виновата», то ли родная мелодия, но Макс сразу расслабился.

По просьбе ребят он подобрал аккорды к чешским песням, и тут началось настоящее веселье. Одну из песен пришлось сыграть много раз — так она всем нравилась. Её смысла Макс не понял, но слова зацепились в памяти:

Мы дамэ руку сэма, а покидамэ вэма,
А покидамэ сэма, а паксни затрэсэма.
Уделама гокки-хокки ротацы,
Ать мамэ леграци!

Расставаясь, Мартина приподнялась на цыпочки и поцеловала Макса в щёку.

— А ты — красивый.

Максимилиан был ошеломлён. Первый поцелуй, к нему — комплимент. Необыкновенно сильное ощущение.

На следующий день Ярка решил познакомить Макса со своей бабушкой. Верней, так решила бабушка Ярки. Узнав, что у внука гостит московский школьник, она попросила привезти его в гости. С утра пораньше Ярка и Максимилиан поехали на другой конец города. Макс вошёл в маленькую квартиру и увидел старушку, сидевшую на диване в окружении плюшевых подушек.

— О, русский хлопец, — радостно приветствовала старушка.

— Бабочка баловэ ноги, — пояснил Ярка.

— Да-да. Ноги совсем не ходят.

Максимилиан вскинул брови. Он не ожидал, что бабушка Ярки говорит по-русски.

— Сядь рядом, — попросила старушка. — Посмотрю на тебя.

Усевшись на диван, Макс улыбнулся.

— Красивый, чернобровый. И глаза — ясные.

«Второй комплимент», — подумал Макс.

— Ярка, принести пиво.

Ярка сбегал на кухню и принёс две бутылки. Бабушка наклонилась к вставленной в ручку дивана скобе и ловко открыла бутылку. Утолив жажду, она вытерла губы и подмигнула Максу:

— Странно — да? Бабушка и пиво. А я вот привыкла.

Макс скупно улыбнулся. Допив бутылку, старушка предложила Ярке сходить в магазин. Она написала список покупок и принялась за вторую бутылку.

Максимилиан отвёл взгляд. Бабуля пила пиво, как воду.

— Вот что скажу, — закончив с пивом, сказала старушка. — Русские мне как братья.

Начало разговора Максу понравилось. Шёл 1968 год, и Макс уже успел устать от косых взглядов в сторону русских. По словам Вацлава Ярославовича, директора школы, «косяки» бросала левая прозападная молодёжь. В чём заключалась левизна, Макс не понимал, но во время экскурсий старался не отрываться от группы.

— Когда советские войска освобождали Прагу, я работала в госпитале, — сказала старушка. — Там и познакомилась с русским офицером. Пока за ним ухаживала, выучила русский язык.

— Здорово.

— Молодой была, быстро слова запоминала. К тому же, любила советских солдат.

Макс улыбнулся.

— Да-да. Как их не любить? Прагу освободили, жизни своей не щадили. Разве этого мало?

Вытерев губы, старушка продолжила:

— Гагарина люблю особо. Какой обаятельный. Смотрит с экрана и улыбается. Кажется, именно тебе. Дескать, привет, бабуля. Не хочешь в космос?

— А офицер, за которым вы ухаживали, — где он сейчас?

— Поцеловал на прощанье и уехал на родину. Когда прощался, подарил брошь. Смотри. Старушка распахнула вязаную кофту, и на простенькой блузке блеснули красные камни.

— Камни, конечно, не настоящие. Но веришь, брошь — самое дорогое, что у меня есть.

— Брошь — символ любви, — сказал Макс.

Бабушка хлопнула Макса по коленке и, подмигнув, рассмеялась.

— В Ярке есть русская кровь. Я рада этому.

То ли потому, что бабушка была словоохотлива, то действительно любила русских, но пока Ярка ходил в магазин, Максимилиан услышал много интересного. Старушка рассказала о взятии Праги, о подвигах советских солдат и чешских обычаях.

— Всю жизнь мечтаю попасть в Москву. Видимо, не доведётся, — сказала она в завершение разговора.

При расставании Макс обнял Яркину бабушку от всего сердца.

В ответ та поцеловала Макса в макушку и сказала:

— Храни тебя, дева Мария!

Вечером Максимилиан вернулся в школу и вздохнул с облегчением. Посещение чешской семьи завершилось.

За день до отъезда с Максом произошло неприятное событие — он заболел. Ночью поднялась температура, и доктор посоветовал остаться в школе. Чтобы Макс не скучал, к нему в гости пришли Ярка и Мартина. В школе никого не было, кроме руководителя делегации. То ли из-за Макса, то ли по другой причине, он тоже не поехал на экскурсию.

К обеду Макс почувствовал себя лучше и решил выйти на спортплощадку. Мартина с Яркой начали партию в теннис, Макс выступал в качестве рефери.

Послышался скрип калитки, и на садовой дорожке появился элегантно одетый мужчина. Он был одет по-спортивному — в светлые брюки и полосатую тенниску. Мужчина подошёл к теннисному столу.

— Хелло, — сказал он.

— Здравствуйте, — ответил Макс.

— Ты — русский?

Макс приветливо улыбнулся.

Судя по отсутствию акцента, перед ним стоял соотечественник.

— Есть ли в школе взрослые?

— Руководитель делегации, — ответил Макс.

— Вот и хорошо.

Ярка и Мартина продолжали играть, Максимилиан вызвался проводить гостя.

— Ну как там — в Советском Союзе? — скривив губы, спросил незнакомец.

На Макса повеяло холодом.

«Странное дело. Сказал фразу, будто барьер поставил».

Мужчина остановился.

— Присядем, — предложил он и указал на ближайшую скамью. — Слышал о белоэмигрантах?

— Конечно.

О белой эмиграции Макс читал в энциклопедии. Александр Владимирович подарил сыну подписку на Советскую историческую энциклопедию, и в книжном шкафу уже стояло десять томов. Первые два тома были на буквы «А» и «Б». Макс их уже проштудировал, остальные ждали своего часа.

— Будем знакомы, — сказал мужчина. — Потомственный дворянин, служил в Деникин-ской армии. А потом...

Незнакомец достал сигареты и закурил.

— Потом жизнь на чужбине. Скитания, ностальгия, тоска...

— Хотите вернуться? — спросил Макс.

— Куда — в Советский Союз?

Мужчина презрительно хмыкнул.

— Нет, молодой человек. Увольте. России больше нет, и никогда не будет.

— Как это нет? — удивился Макс. — Конечно, Россия — не та, что когда-то. Но это нормально.

У Макса возникло желание рассказать о стране, где он родился и вырос, и неожиданно для себя он разговорился. Вдали от родины такое бывает. К тому же, возникает желание приукрасить действительность, опустить недостатки, поведать о достижениях. О них Макс и рассказывал. Он говорил о стройках-пятилетках, бесплатном образовании, больших городах...

— В ваших городах — помойки и бродячие собаки... — перебил белоэмигрант. — Ни свободы слова, ни выбора. Зарплата инженера — 100 рублей в месяц, всюду процветают блат и руководящая роль партии.

Белоэмигрант выпрямился и, сузив глаза, обрушил поток критики. Тонкие губы незнакомца выплёвывали её с нескрываемым наслаждением.

— Сталина развенчали, убрали из мавзолея, а тиранию оставили. Вместе с ней — тотальный надзор. А лозунги... — «Коммунизм», «Светлое будущее»... — чем только пудрят мозги?! Взять, например, тебя. Вроде нормальный парень, а говоришь, будто по бумажке.

Максимилиан вскочил со скамейки.

— Какая бумажка? Я к вам с открытой душой... А вы... Вы только помойки и видите. Разве в СССР нет достижений? Разве исчезли Москва и Ленинград?

— Санкт-Петербург. В этом городе я родился и вырос.

Незнакомец вздохнул.

— Увидеть бы, пройтись вдоль Невы...

И в этот момент показался руководитель делегации. Подойдя к скамейке, он спросил:

— Маушевский, с кем разговариваешь?

— С белоэмигрантом, — ответил Макс.

Лицо руководителя окаменело.

— Иди в кабинет и жди меня там.

Максимилиан направился к школьному корпусу. Последние слова, что он услышал за спиной, были такими:

— Попрошу выйти с территории школы.

— У меня — небольшая просьба. Моя племянница — учитель литературы в московской школе...

— И речи быть не может, — перебил руководитель делегации. — Никаких просьб.

В кабинете Макс задержался надолго. Он ответил на вопросы и по просьбе руководителя делегации написал то, о чём говорил белоэмигрант. Наконец, Макса отпустили. Ярка и Мартина ждали у теннисного стола.

— У тебя проблемы? — спросила девушка.

— Не знаю, — честно ответил Макс.

Белоэмигранта Максимилиан видел ещё один раз — в день отъезда. Делегацию советских школьников провожали с большой помпой. На вокзал приехали директор школы Вацлав Ярославович, учителя, официальные лица из комитета советско-чехословацкой дружбы. Белоэмигрант появился за десять минут до отправления поезда. Он остановился у вагона и обратился к руководителю делегации.

— Вас не затруднит передать моему внучатому племяннику гитару?

— Затруднит.

— Почему? Эдуард подойдёт к вагону...

— Детский сад, честное слово, — возмутился руководитель. — Не передам, и точка.

— Ну и чёрт с вами.

Белоэмигрант повернулся и увидел Макса.

— Могу сделать подарок? Вот, например, этому парню.

Максимилиан насторожился. Белоэмигрант подошёл к Максиму и протянул красиво упакованную рубашку.

— Держи. В СССР такой не найдёшь. Для родственника приготовил.

Усмехнувшись, белоэмигрант добавил:

— Но у вас такие кордоны — ни пройти, ни проехать.

Возникла пауза. На Макса глядели официальные лица, директор Вацлав и руководитель делегации.

— Не нужен ваш подарок, — ответил Макс.

Лицо руководителя прояснилось.

— Слышали?

— Всё хуже, чем думал, — проворчал белоэмигрант и отошёл от вагона.

И в это время появился Ярка. Он бежал по перрону и размахивал пакетом.

«Вот кого не хватало, — подумал Макс. — То-то смотрю, не пришёл проводить».

— Макс! Дарек про тебе! — крикнул Ярка. — Од бабички.

Ярка остановился и раскрыл пакет. В нём лежал вязаный жилет.

Макс вытащил подарок Ярковой бабушки и улыбнулся. Жилет был сказочно красив. Сине-фиолетовый, пушистый, на груди — серебряные звёзды. Будто на ночном небе.

— Меряй, — сказал Ярка.

Макс натянул жилет.

— Прямо космонавт, — усмехнулся директор Вацлав.

Провожжающие рассмеялись, и громче всех Макс.

— Вот это — настоящий подарок, — выпатив живот, заметил руководитель делегации.

— А то рубашка... Можно подумать, у нас рубашек не шьют.

Домой Макс вернулся героем. Сколько всего увидел, сколько узнал... К тому же, влился в коллектив. Рассказывая о поездке, Макс глядел на отца. Он ждал похвалы. За исторические подробности, за цепкость взгляда...

Людмила Ивановна переспрашивала, уточняла, вдавалась в детали. Александр Владимирович едва слушал. Он листал журнал и бросал короткие реплики.

— Да-да, верно. Прагу освободили 9 мая 1945 года. Блестящая операция. Читал о маршале Рыбалко? Он танковой армией командовал.

— Нам рассказывали. И на Ольшанском кладбище мы были. Там похоронены советские солдаты. На некоторых могилах — баночки с родной землёй...

— Всю войну прошли, а в День Победы погибли, — вздохнула Людмила Ивановна.

В конце своего рассказа Максимилиан вспомнил встречу с деникинским офицером. Профессор Маушевский насторожился. Он расспросил сына о разговоре с белоэмигрантом и потребовал, чтобы Максимилиан вспомнил свои ответы дословно.

— Та-а-акс, — сказал Александр Владимирович. — Только этого не хватало.

«Странная реакция у отца, — подумал Макс. — И что его так взволновало?»

Александр Владимирович оделся и направился к двери. — Пойду прогуляюсь.

Достав пяльцы, Людмила Ивановна стала вышивать.

Макс знал: если у мамы беспокойно на душе, она вышивает крестиком.

— Что-то не так?

— Не бери в голову, — ответила Людмила Ивановна.

— Всё это — пыль.

На следующий день Александр Владимирович повёз сына к большому начальнику. Тот сидел в кабинете за массивным столом и крутил ручку с золотым пером. Перед начальником стояли три телефона, стопка папок, стакан с остывшим чаем.

— Присаживайтесь, — кивнул он. Хозяин кабинета вытер лысину и добавил: — Ишь, какая жара.

— Середина лета, — подобострастно заметил Александр Владимирович. Максимилиан взглянул на отца. Тот сидел на краешке стула и будто уменьшился в размерах. А глаза...

«Какие у отца глаза, — удивился Макс. — Тревожные, напряжённые и... сладкие одновременно».

Начальник потянулся к стакану и сделал глоток.

— Ну что, молодой человек — поговорим?

Разговор свёлся к ответам на вопросы, и все они касались встречи с белоэмигрантом. Когда вопросы закончились, Александр Владимирович расправил грудь и чуть слышно вздохнул.

— Посиди в приёмной, — сказал Максимилиану начальник. — Потолкую с твоим отцом. Макс вышел из кабинета. Он ждал минут двадцать.

«И что всполошились? — размышлял Макс. — Подумаешь, белоэмигрант. Ну, не любит СССР, видит недостатки... И что? Отец не раз повторял: „Собака лает, караван идёт“. А перед большим начальником ведёт себя как студент... И взгляд такой необычный...»

Выйдя из кабинета, Александр Владимирович улыбнулся и, взяв Макса под руку, шепнул:

— Если есть связи, всегда можно договориться.

Макс пропустил фразу мимо ушей. Он думал о произошедшей с отцом метаморфозе.

— Когда будет ответная делегация? — спросил Александр Владимирович.

— По-моему, в августе, — ответил Макс.

Однако ответной делегации Москва не дождалась. В ночь с 20 на 21 августа 1968 года в Чехословакию были введены войска стран Варшавского договора. Началась операция «Дунай». На вопрос Макса, в чём её смысл, Александр Владимирович не отвечал. Переписка с Яркой заглохла, московских школьников, бывших в Праге, Макс не видел. От поездки в Чехословакию у него остались записи в дневнике и жилет бабушки Ярки — с серебряными звёздами на груди.

Глава 3

Три года пролетели незаметно. Максимилиан вырос и стал настоящим красавцем: чуть удлинённые тёмные глаза, высокий лоб, густые волнистые волосы. Его внешность портил небольшой подбородок. Он диссонировал со лбом и намекал на безвольность. Несмотря на то, что рядом были родители, Макс пребывал в одиночестве. И это понятно: заменить внешний мир родителям не под силу. В жизни Маушевских не было ни гостей, ни душевных бесед. Каждый член семьи сидел в своей комнате и занимался своими делами.

Людмила Ивановна переводила статьи, Максимилиан решал задачи, Александр Владимирович готовился к лекциям. Вроде бы вместе, и в то же время каждый сам по себе.

Семья собиралась за ужином, и Макс с матерью слушали Александра Владимировича. Это был театр одного актёра — ни больше, ни меньше. В предвкушении еды глава семьи воодушевлялся и охотно балагурил. Борода вздрагивала от смеха, глаза щурились, руки находились в движении. Александр Владимирович разыгрывал очередную миниатюру. В ней было всего понемногу: к месту рассказанный анекдот, искромётная шутка, короткая зарисовка. Что говорить, профессор Маушевский умел привлекать внимание.

Весной тысяча девятьсот семьдесят первого года покой в семье Маушевских был нарушен. Максимилиан должен был выбрать дальнейшее место учёбы. То, что он пойдёт в МГУ, не обсуждалось, однако выбор факультета вызывал споры. Для Александра Владимировича любое несогласие — нонсенс. Какой спор, какие обсуждения? Все основные вопросы решал он — и только. А тут брожение. Людмила Ивановна говорила о журналистике, Максимилиан — о психологии, Александр Владимирович настаивал на мехмате.

Наконец, произошёл решающий разговор.

— Надо подтянуть математику, — сказал Александр Владимирович.

— На мехмате по математике два экзамена: устный и письменный.

— Саша, какой мехмат? — в очередной раз удивилась Людмила Ивановна. — У Макса не то здоровье.

— Здоровье у него в полном порядке, — сухо ответил Александр Владимирович.

— А вегетососудистая дистония?

— Мила, давай не будем. Болезни Макса — у тебя в голове. И на бумаге, конечно.

Александр Владимирович был прав.

— Зачем Максимилиану математика? — робко спросила Людмила Ивановна. — Логарифмы, интегралы, теоремы...

— Ты меня поражаешь. Парень витает в облаках, а впереди у него — жизнь. Сложная, между прочим.

— Всё верно. Но связи между жизнью и математикой не вижу.

Александр Владимирович поднял подбородок и окинул жену профессорским взглядом.

— Ещё Ломоносов говорил: «Математику уже за то любить стоит, что она ум в порядок приводит».

Пройдясь по комнате, профессор Маушевский добавил:

— Мехмат и физфак МГУ знает весь мир.

Погладив бородку, Александр Владимирович встал в позу мыслителя и устремил взгляд в окно.

— Максимилиан — не логик, — заметила Людмила Ивановна. — Он — интуит. У мальчика богатое воображение. Ему бы...

Профессор Маушевский перешёл в наступление.

— Любое математическое открытие — результат воображения, — перебил он жену. — Как известно, школьная геометрия — тест на наличие воображения. Если хорошо представля-

ешь фигуры в пространстве, значит, имеешь воображение; если не представляешь, мыслишь на плоскости.

Атака Александра Владимировича набирала силу. Однако Людмила Ивановна продолжала возражать.

— У Маяковского есть «Гимн учёным». Помнишь эти строчки?

Проходят красноухие, а ему не нудно,
Что растёт человек, глуп и покорен,
Ведь зато он может ежесекундно
Извлекать квадратный корень».

— Пошла-поехала, — сморщился Александр Владимирович. — Вспомни Пушкина, Лермонтова... Так нельзя, Мила. Мы живём в другое время. Теперь функция «извлечения корня» передана вычислительным машинам, а современный математик — можно сказать, звезда научного небосклона. Математики мыслят и конкретно, и абстрактно, они находят решения сложнейших задач и пишут хорошие стихи.

— Мне не понятна математика, — продолжала сопротивляться Людмила Ивановна. — Она суха и далека от природы.

— Природа формулирует законы языком математики, — парировал Александр Владимирович. — Это не я сказал — Галилей.

Профессор Маушевский был в родной стихии. Есть зрители, спор, сопротивление. Ещё немного, и будет победа.

Людмила Ивановна выбросила последний козырь.

— На мехмат трудно поступить. Сам посуди: две математики, физика, сочинение.

— Это — мои заботы, — коротко ответил Александр Владимирович.

— Не хочу на мехмат, — вступил в разговор Макс.

Александр Владимирович вскинул голову.

— Прискорбно слышать, — язвительно сказал он. — Твоё утверждение пахнет Митрофанушкой.

Причём тут Митрофанушка, Макс не понял, однако, возразив отцу, почувствовал некоторое освобождение.

— Хочу быть психологом.

— Позвольте спросить, юноша: какая мотивация?

Макс опешил. Так к нему отец не обращался. Профессорские нотки в голосе, «юноша», обращение на «вы»...

— Может, вы увлекаетесь психологией? Может, читаете труды известных учёных, видите варианты дальнейшего трудоустройства? Или я что-то упустил?

Александр Владимирович выглядел спокойным, однако внутренне недоумевал. Раньше проблем с сыном не было. Максимилиан старательно учился, выполнял поставленные перед ним задачи, не дерзил. И вдруг самостоятельность. Откуда?

— Не надо мне математики, — ломающимся голосом ответил Макс. — Психология — это моё.

— Какое громкое заявление, — воскликнул Александр Владимирович.

Он подошёл к сыну и, заглянув в глаза, вернулся к обычному обращению. — Не ты ли говорил, что будешь волшебником?

— Ну, говорил, — буркнул Макс.

Вспомнив учёных старцев и разговор ветра, он ощутил укол в сердце.

«Как быстро уходят мечты. А с ними и детство».

Детство было жаль, но перспектива взрослой самостоятельной жизни пьянила ум. Немного подумав, Максимилиан сказал:

— Волшебство и психология стоят рядом.

— Неожиданное утверждение, — воодушевился Александр Владимирович. — Оно так же глубоко, как философские споры о бытии и сознании.

Максимилиан уловил издёвку. Что происходит с отцом?

— Не надо иронизировать, — сказал он. — У каждого человека есть своя мечта.

— Не обижайся. Я же хочу добра.

Тут-то Макс и попался. Александр Владимирович знал психологию не в теории — на практике. Он произнёс фразу-ловушку, и Макс, заглотив слово «добро», поверил отцу в очередной раз.

«Доверься, — шепнул разум. — Отец знает больше тебя».

И Макс доверился. Конечно, поспорил для приличия, однако Александр Владимирович понял: победа за ним. Впрочем, он не сомневался. Профессор Маушевский уже давно всё решил. Мало того, предпринял шаги. На днях, например, встретился с деканом учебной части мехмата, неделю назад поговорил с членом приёмной комиссии, вчера пригласил на обед секретаря парторганизации мехмата. Максимилиан был подавлен. Тем не менее, восхищался отцом.

«Специализация отца — политэкономия, а рассуждает о математике как профессионал. Всё-таки он — удивительный человек».

Александр Владимирович подошёл к книжному шкафу и достал небольшую книгу.

— Полистай на досуге.

Взглянув на обложку, Макс поднял брови.

— Теория вероятностей?

Александр Владимирович добродушно усмехнулся.

— Случайные события, случайные величины, — таинственным голосом сказал он.

— А среди них ты. Будто волшебник. Управляешь этими событиями, ищешь закономерности...

На Макса повеяло детством. Оно влетело в открытое окно и село на подоконник. А вслед за ним влетела сказка. Выбросив сноп конфетти, она начала свой рассказ — плавно, чуть напевая: «Не лебеди вереницей летят, не утки на болото садятся, а сказка над лугами стелется. Верить ей или нет, твоё дело. А послушать надо».

Глава 4

Ни выпускного вечера, ни праздничных речей у Макса не было. Сдав школьные экзамены, он получил диплом и отнёс его в приёмную комиссию мехмата. Знакомый сквер, парадная лестница, десятки молодых лиц. После домашнего затворничества впечатления сыпались одно за другим. Максимилиан чувствовал: начинается новая жизнь. Он уже не думал о психологии, её место занимали реальные события.

В ожидании расписания экзаменов Максимилиан стоял у деканата мехмата. К нему подошла невысокая девушка.

— Ты откуда? — спросила она.

— Из Москвы, — смущённо ответил Макс.

— Я — из Редкино. Слышал о таком?

— Нет.

— Так и думала, — засмеялась девушка. — Редкино мало кто знает.

— Далеко?

Каждое слово давалось Максимилиану с трудом. Он не мог посмотреть в лицо собеседнице, не мог сдерживать волнение, не мог толком соображать.

«Нелепая ситуация. Даже не представился».

Девушка будто услышала.

— Меня зовут Лиза. А тебя?

— Максимилиан. Коротко — Макс.

— Необычное имя. Похоже на закрытый пенал.

— Почему пенал? — спросил Максимилиан.

Взглянув на девушку, он тут же отвёл взгляд. Однако первое впечатление получил. Лиза была коренастой девушкой со светлыми глазами и вьющимися волосами.

— Объясню позже.

Макс расслабился. Как говорят в таких случаях, камень упал с плеч. Или мешок. Да-да, так лучше — большой, пыльный мешок. Он долго давил на позвоночник, от него затекала спина, а теперь мешка нет.

— Где же твоё Редкино? — спросил Макс.

— Под Калинином.

Лиза взяла Макса за руку и повела к группе абитуриентов, стоящих у стенда.

— Расписание вывесили? — спросила она.

— Только что, — ответила рыжеволосая толстушка.

Девушка ткнула пальцем в листок, прикреплённый к стенду, и добавила:

— Второго июля — письменная математика, шестого — устная, десятого — физика, четырнадцатого — сочинение. Конкурс — восемь человек на место.

Макс слышал — и нет. Его рука покоилась в Лизиной руке, и через неё шло тепло.

— Пробьёмся, — сказала Лиза.

Девушка улыбнулась. Её спокойствие пошло дальше. Оно охватило небольшую компанию, и ребята загалдели.

— Действительно, чего паниковать? — Подумаешь, восемь человек на место.

— В мединституте — двадцать, — сказал худой очкарик.

— А в ГИТИСЕ — сто.

— Да ладно, — улыбнулась Лиза.

— Кто в столовку?

— Думаю, все, — сказал очкарик и, взглянув на Максимилиана, спросил Лизу:

— Знакомый?

— Угу. Максом зовут.

Ребята кивнули и потянулись к лифту. Лиза опять взяла Макса за руку.

— Пойдёшь с нами?

— Я вообще-то не голоден.

Максимилиан прибывал в новых ощущениях и плохо соображал. Лиза потянула Макса за собой, и молодые люди успели вскочить в закрывающийся лифт. Толпа прижала их к двери, и лифт пошёл вниз. Сколько времени продолжался спуск, Макс не знал. Ему казалось — вечность. В лифте было тесно, и, уткнувшись в Лизины волосы, он вдыхал незнакомый запах. До сих пор обоняние Макса волновали другие запахи. Например, сладкие ароматы материнских духов, сирень. А тут что-то сильное, неведомое, бурлящее кровью. Запах, идущий от Лизиних волос, походил на всполохи молний, шум ручья, скрежет тормозящей машины.

«Как странно. Запах связан со светом и звуком. А в голове — шум и яркие вспышки. Разве такое бывает?»

Максимилиан не знал, так волнуется кровь. Растворив невидимые молекулы, кровь получает сигнал и несёт в голову. Яркая вспышка, неведомое возбуждение, и вот уже ревущий поток, вызывающий дрожь и головокружение. Лифт дёрнулся, и Лиза прижалась к Максиму. Взглянув в глаза юноши, она чуть слышно спросила:

— Тебе плохо?

— Всё нормально.

— Видимо, уши заложило.

Макс кивнул.

— Раньше и у меня голова кружилась. Скоростной лифт, резкие перепады давления...

На табло мелькали цифры: десять, восемь, пять, два... Лифт остановился, и толпа вылетела в холл.

— Постой немного, — сказала Лиза.

Макс прислонился к мраморной стене.

— Лиза, ты идёшь? — крикнул очкарик.

— Чуть позже. У Макса голова закружилась.

— Мы в зону «Б».

— Поняла. Лиза взглянула на Макса.

— У тебя — странные глаза. Они похожи на обсидиан.

Максимилиан промолчал. У него задрожали ноги.

— Обсидиан — вулканическое стекло. Не видел?

— Нет.

— Я видела. Знаешь где?

Макс судорожно сглотнул.

— На двадцать седьмом этаже.

— Там музей, — с трудом разлепив губы, ответил Макс.

— Ты в нём был?

— Когда-то с отцом.

Лиза взяла Макса за руку.

— По-моему, у тебя всё прошло. Идём. Сначала пообедаем, потом погуляем.

— А экзамены?

— Подождут, — засмеялась девушка.

Макс кивнул. Всё, что говорила Лиза, было наполнено смыслом. Перепады давления, зона «Б», обсидиан... От Лизиних слов веяло чем-то неведомым.

— Я живу в общежитии, — сказала девушка. — Оно — в пристройке к Главному корпусу.

— В музей ходил, на кафедре у отца был, а общежитие не видел.

— Твой отец работает в МГУ?

— На кафедре политэкономии.

— Значит, препод, — улыбнулась девушка и, не отпуская руки Макса, поспешила в столовую.

Такого скопления ребят Макс ещё не видел.

— Стол уже заняли, — сказала Лиза. — Я бегу в очередь, а ты возьми пару салатов.

Она махнула рукой и исчезла. Макс растерянно огляделся. Столовая напоминала муравейник. Абитуриенты жевали, смеялись, разговаривали, искали друг друга в змееобразной очереди, кому-то кричали.

Максимилиан растерялся. «Какие салаты? Где их найти?»

Рядом остановилась девушка, в её глазах что-то блеснуло.

— Такой симпатичный парень, и один. Что-то ищешь?

Максимилиан вспыхнул.

— Карина, — кокетливо представилась девушка.

Поставив поднос на стол, она протянула руку. Макс увидел длинные пальцы, розовые ноготки, на запястье — золотой браслет.

— Я ищу стойку с салатами.

— Проводить?

— Спасибо, не надо.

Вежливый вопрос, такой же ответ. Ни один нерв не затрепетал, ни один мускул не дрогнул. Макс кивнул новой знакомой и направился к стойке. Он чувствовал взгляд Карины, но девушка его не волновала.

Стойка напоминала базар. Огромные тазы были наполнены капустой, винегретом, помидорами и огурцами. Макс взял две тарелки и стал продвигаться в толпе. Он накладывал того, другого, третьего, как вдруг на плечо опустилась маленькая рука. Макс ощутил блаженство. Оно пробежало по телу, поднялось к голове и, запутавшись в волосах, улеглось на макушке. Максимилиану не надо было поворачиваться, он знал: на плече — Лизина рука. Странное состояние. Будто третий глаз на затылке. Лиза проскочила вперёд, взяла один из подносов, протолкнула его к кассе, и через минуту уже прокладывала путь к столику, где сидела знакомая компания. За столом шёл оживлённый разговор.

— Пятьдесят процентов абитуриентов срезаются на первом экзамене, — говорила рыжеволосая. — Я это знаю точно.

— Откуда информация? — спросил очкарик.

— Из собственного опыта. Второй раз поступаю.

Ребята придвинулись к толстушке.

— На математике срезалась?

— С математикой всё нормально. Пролетела на физике.

— погоди, — сказал худощавый парень. — Давай закончим с математикой.

— Что о ней говорить. Абитуриентов посадят в аудиториях 01 и 02 и выдадут задания. Преподаватели будут ходить между рядами. Если вытаскишь шпору, выгонят. Не напишешь область допустимых значений, задание не засчитают.

— Концлагерь какой-то, — воскликнул очкарик.

— Ты что думал? Это не пединститут.

— Ясно, — худощавый черкнул в блокноте и пододвинул девушке компот. — А результаты когда?

— Перед устной математикой.

— Как же тогда готовиться? А вдруг «неуд» за первый экзамен?

— Значит, второго не будет. Соберёшь вещи — и домой.

— Ни за что.

— Никуда не денешься. Из общежития попросят, гостиницу тебе не потянуть. Правда, существует вокзальный вариант...

— У меня есть подстраховка.

— Какая?

— Если срежусь, пойду в пединститут.

— Ну-ну, — сказала рыжеволосая.

— А я не сомневаюсь: в этом году обязательно поступлю.

— Откуда такая уверенная?

— С Алтая, — засмеялась толстушка.

Забыв про обед, Макс внимательно слушал. Перед глазами поплыли картины провала. Он уже видел, как хмурился отец, как мама, уткнувшись в вышивку, накладывает крест за крестом, как...

— А ты не боишься? — спросил очкарик, обратившись к Лизе.

— Чему быть, того не миновать, — улыбнулась девушка.

Глава 5

«Чему быть, того не миновать».

Макс вертел фразу туда и сюда. Он по-прежнему сидел за столом, слышал голоса ребят, но ум заклинило на одном предложении. Слова прыгали, менялись местами, лезли в кавычки. Наконец заняли нужные места, и мысли закружились, как вихрь.

«Так говорят в переломные моменты жизни, — рассуждал Макс. — Наверное, переживаю такой момент. И Лиза, и ребята. В чём же смысл фразы? В том, что события предопределены? Где ключевое слово — „быть“ или „не миновать“?»

Погрузившись в размышления, Макс не увидел, как ребята поднялись из-за стола и сложили тарелки на подносы. Перед глазами мелькнула маленькая рука.

— Ку-ку, — послышался Лизин голос.

Максимилиан вскинул голову, провёл пятернёй по волосам и вернулся в действительность. Лиза стояла перед ним и улыбалась.

— В том, что поступит Макс, я не сомневаюсь, — сказала Лиза.

— Ты что — гадалка? — рассмеялась толстушка.

Тонкие пальчики скользнули по волосам Макса и отбросили их назад.

— Видите лоб мыслителя?

Максимилиан вспыхнул. Прикосновение, комплимент и несколько пар глаз, уставившихся на его лоб.

Лиза взяла Макса за руку и повела к выходу. Похоже, она привыкла действовать без оглядки на окружающих.

— Прогуляемся?

Макс кивнул.

Лиза направилась к выходу из Главного корпуса. Миновав дверь-вертушку, она отняла руку и побежала по лестнице вниз. Максимилиан стоял у выхода и смотрел на Лизу. Золотые кудряшки, ноги-бутылочки, развевающаяся на ветру юбка.

Остановившись на последней ступеньке, Лиза крикнула:

— Спускайся.

Макс ринулся вниз. Казалось, он превратился в ветер. Ни ног, ни рук — сплошная энергия.

— Ого-го-го!

Лиза рассмеялась. Кудри рассыпались по плечам, ладошки плотно закрыли губы. Максимилиан схватил девушку за руку и побежал к знакомому скверу. Он остановился у бюста Менделеева. Лиза с интересом огляделась.

— Красиво, — усевшись на скамейку, сказала она.

Макс откинул волосы. Высокий, стройный, со сверкающими глазами — он стоял перед Лизой, будто хозяин сквера. Макс готов был декламировать стихи, петь, рассказывать о ветре и учёных старцах... — о чём угодно, только бы Лиза слушала и смотрела на него светлыми, озорными глазами.

Университетский сквер — его место. Оно связано с детством. Теперь Макс здесь не с родителями — с девушкой. И эта девушка — из новой жизни. Она — необычная. Что хочет, то и говорит, что считает нужным, то и делает. Макс посмотрел на Лизу. Никакой позы. Открытость и искренность.

— Эти дорожки, посыпанные кирпичом, напоминают сказку.

— «Волшебник изумрудного города», — предположил Макс.

Лиза кивнула.

— Там тоже дорога. Только из жёлтого кирпича.

«И передо мной — дорога, — подумал Макс. — Верней, поворот. Вышел за него и увидел другую жизнь. И краски другие, и ветер, и ощущения. А за поворотом — прошлое».

Лиза не дала додумать. Взглянув на Главный корпус, она воскликнула:

— Посмотри, как красиво. Солнечный луч коснулся шпиля, и тот превратился в огненный шар. Помнишь Трусливого Льва?

Вскочив на скамейку, Лиза сдвинула брови и грозно спросила:

— Ты кто и зачем пришёл?

Максимилиан усмехнулся.

Лиза как ветер: быстрая и неожиданная.

— Я — Трусливый Лев, — решил подыграть Макс. — Пришёл за смелостью.

Лиза повысила голос:

— Стань собой, и вся смелость, что у меня есть, будет твоей.

Лиза прыгнула со скамейки и, привстав на цыпочки, посмотрела Макс в глаза и тихо сказала:

— Если не станешь собой, я тебя заколдую.

Максимилиана окатил жар. Ну разве не сказочное место?! Стоит сюда попасть, хочется стать волшебником. Когда-то он мечтал расколдовать Павлова. Теперь вот Лиза вошла в роль и играет.

— Как заколдуешь?

— Погружу в облако страхов. Тогда и превратишься в Трусливого Льва.

Макс рассмеялся и подхватил Лизу. Он приподнял её над собой, затем опустил на землю и, поражаясь себе, сказал:

— Ты не оставила ни единой лазейки. Осталось найти себя.

— Как только найдёшь, произойдёт чудо, — улыбнулась Лиза.

— Какое?

— Перевоплощение.

— Мне это нравится.

Макс взял Лизу за руку и подвёл её к бассейну. Лиза присела у бровки и застыла.

— Тише, — сказала она. — Я слышу голоса.

— Какие?

— Ветра и каменной кувшинки.

Макс облизнул пересохшие губы.

— О чём они говорят? — спросил он охрипшим от волнения голосом.

Присев рядом с Лизой, Макс смотрел на воду. В ней отражались большая и маленькая фигуры. Ветер бежал по воде и оставлял за собой рябь. Макс напряжённо прислушивался.

И тут Лиза заговорила. Она меняла голос и интонацию, и Макс понял: Лиза передаёт разговор ветра с кувшинкой.

— Что нового?

— Жизнь удивительна.

— Боже, какая чушь. Жизнь скучна и однообразна.

— Посмотри вокруг. Видишь, шиповник цветёт.

— Он цветёт каждый год.

— Я не о том. Нынче такие цветы...

— Их лепестки скоро упадут и превратятся в труху.

— До этого далеко. Сейчас они дарят радость...

Макса как молнией пронзило. Как можно услышать то, что слышал он? Этого не может быть.

— Почему ты так на меня смотришь? — спросила Лиза.

— Я слышал тот же разговор. Правда, речь шла о сирени.

— Ничего удивительного. Ветер постоянно болтает. То с рекой, то с кувшинкой, то с воробьём...

— Фантастика, — прошептал Макс.

— Но другие не слышат.

— Люди — разные.

— Ты — волшебница.

— Скажешь тоже, — усмехнулась Лиза. — Просто я выросла на природе и... научилась слушать.

Лиза взяла Макса под руку и повела к набережной.

Спустя пару минут она сказала:

— Мы похожи. Не заметил?

— Верно, — ответил Макс.

А про себя подумал: «Между мной и Лизой есть какая-то связь. Тонкая, по-детски наивная. Будто лучи коснулись друг друга. И переплелись. А ведь могли пролететь мимо».

Взглянув на Макса, Лиза сменила тему.

— Когда попала в Главный корпус, боялась ездить на лифте. Как только закрывалась дверь, я прижималась к стене и замирала.

— Почему?

— Ждала, когда лифт вылетит на крышу.

Лиза прикрылась ладошкой и добавила:

— В такие мгновенья я размышляла, что делать. Хвататься за шпиль или лететь с лифтом?

— Куда? — улыбнулся Макс.

— В неизвестность.

— Откуда такие мысли?

— В Редкино — одноэтажные дома, а тут — высотка.

Взглянув на пристройки к Главному корпусу, Лиза продолжила:

— Сдав документы, я получила направление в общежитие. Меня поселили в комнате на восемнадцатом этаже. Теперь боюсь к окну подойти. К тому же, ребята пугают.

— Какие ребята?

— С нашего этажа. Придут в гости и начинают нагонять страх. Дескать, Главный корпус строили ээки, и в его стенах замурованы люди. Они стонут, кричат...

В голове Макса всё перемешалось. Он не умел перескакивать с темы на тему. Ему бы покрутить мысль, рассмотреть её со всех сторон, а тут... То лифт, то общежитие, то ээки.

Макс и Лиза вышли на смотровую площадку. Постояв немного, стали спускаться к реке. Теперь уже разоткровенничался Макс.

— Когда я был маленьким, гулял здесь с отцом. Отец рассказывал о прошлом, анализировал настоящее, рассуждал о будущем. Я многого не понимал, но слушал с интересом.

Сорвав ромашку, Макс протянул её Лизе.

— Спасибо.

Девушка открыла сумку и, достав блокнот, положила ромашку между страницами.

«Странно, — подумал Макс. — Даже не погадала».

— Расскажи об отце, — попросила Лиза.

— Он — удивительный, — начал Макс. — О чём ни спроси, знает. И студенты его любят. И ещё отец любит шутить.

— Это хорошо.

Макс пожал плечами.

— Не знаю. Мы с мамой слушаем и молчим.

— Почему? Шутке надо смеяться.

Макс остановился. «Действительно, почему ни матери, ни ему не смешны отцовские шутки? Что в них не так?»

Лиза не дала времени додумать. В который раз. Она начала рассказ о своих родителях, и вопрос Макса повис в воздухе.

— Мой отец — шофёр. Работает на турбазе. Там же, где и мама. Когда крутит баранку, отец часто поёт: «Не страшны тебе ни дождь, ни слякоть. Резкий поворот и косогор...».

Лиза рассмеялась.

— И мама — шофёр? — спросил Макс.

— Мама — шеф-повар.

Лиза похлопала себя по бёдрам и спросила:

— Видишь, какая пышка. А всё почему?

— Совсем не пышка. Очень даже ничего.

Это был первый комплимент, который Макс сказал девушке. Сказал и прикусил язык. «Очень даже ничего. Надо же так сказать». Макс покраснел и опустил глаза. А Лизе понравился комплимент.

— Ой, спасибо. Честное слово, приятно.

Макс перевёл дыхание.

— Пора по домам, — сказала Лиза и повернула к МГУ.

Максимилиан схватил Лизу за руку.

— Когда увидимся?

— В день первого экзамена.

— Но почему?

— Главное сейчас — поступить на мехмат. Всё остальное второстепенно.

— Ты серьёзно?

— Пока второстепенно, — чуть мягче ответила Лиза.

Глава 6

Письменный экзамен по математике был первым. Он проходил в Главном корпусе в аудиториях 01 и 02. Максимилиан справился со своим вариантом за четыре часа и, выйдя из аудитории, прислонился к стене. Мозг по инерции продолжал работу, и в голове прыгали формулы, интегралы, условия задач. Макс прислушался к себе и понял: тревоги нет. Значит, всё нормально. Он знал, если бы допустил промах, внутри зародилось бы беспокойство.

Из холла, где стоял Макс, был виден центральный вход. По коридору сновали абитуриенты, сотрудники, преподаватели МГУ. Ни смеха, ни разговоров. Все были сосредоточены и деловиты. Оно и понятно: начался период экзаменов.

В дверях показался Александр Владимирович. На нём был светлый костюм, кремовая рубашка, на ногах — замшевые туфли. Внешний вид профессора Маушевского как нельзя лучше соответствовал представлению о солидном человеке, работающем в главном вузе страны. Увидев отца, Макс обрадовался. Последние дни он сидел за учебниками, и общение с родителями свелось к минимуму.

Александр Владимирович пропал в МГУ, Людмила Ивановна занималась переводами, а вечерами вышивала. Сосредоточенно глядя на рисунок, она накладывала на канву крестик за крестиком. Как-то, зайдя в комнату матери, Макс посмотрел на вышивку и увидел дворец. Он был окрашен в коричнево-жёлтые цвета, и Максу показалось, стены дворца блестят на солнце.

— Как настроение? — не отрываясь от работы, спросила Людмила Ивановна.

— Нормальное. Главное — сдать экзамены.

— Не страшно?

— Чуть-чуть.

— А я всегда боялась экзаменов. В ответственный момент забывала всё, что знала.

— Тем не менее, хорошо училась. Верно?

Людмила Ивановна кивнула.

— Мне повезло. Наши преподаватели оценивали студентов не по ответам на экзамене, а по учёбе в целом. Сюда входила работа на семинарах, в лингафонном кабинете, переводы, курсовые...

Макс присел рядом. Ему хотелось отвлечься. Мысли о Лизе не давали покоя, они пульсировали в голове и заслоняли подготовку к экзаменам.

— Давно хотел спросить. Как ты познакомилась с отцом?

Людмила Ивановна улыбнулась и отложила вышивку.

— Мы познакомились на экскурсии. Ты ведь знаешь, что после распределения я попала в Интурист и сопровождала иностранные делегации.

— Интересно, наверное.

— Да как сказать. Порой попадались культурные люди, порой...

Людмила Ивановна нахмурилась.

— Помню группу англичан, приехавших в Москву на медицинский конгресс. Одна из дам не давала покоя. Вечно хмурая, озабоченная — она терзала меня политическими вопросами. Порой казалось, её цель — не научные доклады, а сбор информации о недостатках страны. А я к тому времени была неоперившимся птенцом. Мало что знала, мало что видела...

Максимилиан вспомнил разговор с белоэмигрантом. Выходит, и у мамы похожая история.

— Наконец позвонила руководству и призналась. Дескать, есть вопросы, на которые трудно ответить. На следующий день была запланирована обзорная экскурсия по Москве. В восемь утра я сидела в холле гостиницы и ждала, когда англичане спустятся вниз. И в это время появился Александр Владимирович. Невысокий, с приветливым взглядом, улыбкой на полных

губах... Он подошёл ко мне и представился: «Александр Маушевский — аспирант исторического факультета МГУ». Взглянув на него, я успокоилась.

— Почему? — спросил Макс.

— От твоего отца веяло такой уверенностью, что я почувствовала себя защищённой. «По поручению руководства прибыл на помощь», — сказал он.

Людмила Ивановна улыбнулась.

— Признаюсь, он произвёл впечатление. Я переводила его ответы и наблюдала за проблемной дамой. Никогда не видела столько оттенков на человеческом лице. Пренебрежение, надменность, снобизм сменились интересом и, не побоюсь этого слова, восхищением. И всё за короткий промежуток времени. Казалось, дама встретила достойного соперника. Она задавала вопросы и неизменно получала ответы. Саша отвечал, не задумываясь. А вопросы были нелёгкими. Сам посуди, англичанка спрашивала о только что прошедшем XIX съезде КПСС, о членах Политбюро, роли Сталина в Великой Отечественной войне. Представляешь? И это в 1952 году. Ещё был жив вождь всех народов, в Кремле шла подковёрная борьба между Хрущёвым, Берией и Маленковым; в структуре Интуриста — масса осведомителей.

— И рядом с тобой?

— Конечно. У меня был помощник. Думаю, он и докладывал о разговорах с иностранцами.

— Но ведь тебя могли уволить за политическую безграмотность.

— В то время был жив мой отец, а он занимал в МИДе высокий пост. Думаю, поэтому мне многое прощалось.

Макс представил молодого Александра Владимировича, его позу, усмешку, его любовь к спору. Казалось, для отца энергия спора — что живая вода: поспорил и преобразился.

Людмила Ивановна оживилась. Её лицо покрылось румянцем, глаза заблестели.

— Саша произвёл впечатление не только на меня, но и на всю группу. Он ездил с нами по Москве, дополнял экскурсовода, отвечал на вопросы, шутил...

— Интересно, а как реагировали англичане на шутки отца? — перебил Макс.

— По-моему, с восторгом. Саша рассказывал светские анекдоты, и я переводила их с удовольствием.

Макс задумался. Он не слышал от отца ни одного светского анекдота. Мало того, не знал, в чём их особенность. Однако уходить от темы не хотелось, и Макс ограничился вопросом:

— И что потом?

— Мы отвезли группу в аэропорт и вместе возвратились в город. Саша проводил меня до дома, а по дороге учинил допрос.

Людмила Ивановна опять улыбнулась.

— Сам знаешь, какой он въедливый. Его интересовало, где я живу, что читала, кто родители, какой ВУЗ окончила...

Людмила Ивановна потянулась за вышивкой и взяла в руки иголку.

— На следующий день Саша пришёл в гости с цветами, тортом и бутылкой вина. Он обаял моих родителей, и через месяц мы поженились.

— Здорово, — сказал Макс.

Он встал и смущённо спросил:

— Ну, я пошёл? Надо заниматься.

— Иди, мой хороший, — сказала Людмила Ивановна.

Макс сел за письменный стол и задумался. «Может, любовь с первого взгляда передаётся по наследству? Может, и Лиза возьмёт инициативу на себя?» Другого варианта Макс не допускал. То ли потому, что не имел отцовского обаяния, то ли был слишком нерешителен.

С начала знакомства он понимал: всё зависит от Лизы. Вот и сейчас, стоя у дверей аудитории, Макс чувствовал себя рабом. Что Лиза скажет, как посмотрит, какое у неё настроение.

Александр Владимирович пересёк холл и подошёл к сыну.

— Как написал?

— Нормально, — ответил Макс. — Все задания сделал. Вроде нигде не ошибся.

— Молодец.

Макс смотрел на отца и чувствовал напряжение. Непонятно почему, но встречи отца и Лизы он боялся до дрожи в коленках.

Александр Владимирович пожал сыну руку и сказал:

— Всё будет хорошо. Вот увидишь.

— Да-да, — поспешно ответил Макс.

— Кого ждёшь?

— Приятеля. На консультации познакомились.

Александр Владимирович одёрнул пиджак и поднял подбородок. Маска «отец» пропала, её место заняла маска «профессор Маушевский». Раз-два — и другой образ.

«Что и говорить, отец — настоящий артист, — подумал Макс. — Не то, что я. Стою, как столб, и робко посматриваю на дверь. Будь на моём месте отец, тут же пошёл бы в атаку».

— Скажи маме, буду поздно, — бросил Александр Владимирович. — Заседание кафедры, приёмная комиссия... Сам понимаешь — экзамены.

Макс кивнул. Его кольнуло угрызение совести. Вот ведь — соврал. И всё же правильно сделал. Кто знает, как бы повёл себя отец. Наверное, всполошился бы. Вступительные экзамены, а тут любовь...

Экзамен заканчивался, и холл заполнялся абитуриентами. Смех, слёзы, оживлённые разговоры. Напряжение требовало выхода, и каждый расслаблялся по-своему.

Наконец вышла и Лиза. Она оглянулась и, увидев Макса, пошла к нему. Лиза была одета в чёрную юбку и белую блузку. На лице — мертвенная бледность, под глазами — круги.

— Что с тобой? — испугался Макс.

— Устала.

— Не заболела?

— Ночь не спала.

Лиза отвечала односложно. Макс видел: каждое слово давалось с трудом.

— Прогуляемся? Подышишь свежим воздухом, задачки разберём... У тебя какой вариант?

— Четвёртый.

— А у меня шестой.

— Извини, но я пойду спать.

Макс понимал: Лиза не врёт. Не спала, переволновалась, плохо себя чувствует. Но мысль, что они не увидятся до следующего экзамена, вызывала протест и придавала смелости.

— Хочешь, просмотрю твой вариант? — предложил Макс. — Потом встретимся и сверим ответы.

— Заманчивое предложение. Однако не надо.

— Почему?

— Чему быть, того не миновать.

«Чёрт знает что. Да она — фаталистка». Макс пожал Лизину руку и, ощутив холодок, поспешил к выходу. «Нечего навязываться, — шептал он про себя. — Парень я или тряпка? Не хочет встречаться — не надо». Мысли били в висок, от них кружилась голова. Макс был растерян.

Почему отец может производить впечатление, а он нет? Этот вопрос заставил остановиться. Неужели появилось соперничество? И с кем — с отцом? Не видя ничего, Макс рванул к выходу и столкнулся с девушкой. В грудь упёрлись длинные коготки, пахло духами, на запястье блеснул браслет.

— Привет! Вот так встреча.

Макс очнулся. Перед ним стояла Карина. Да-да, та девушка, с которой он встретился у стойки с салатами.

— Извини, — буркнул Макс. — Задумался.

— Экзамен сдавал? — улыбнулась Карина.

— Да. Математику.

— Куда поступаешь?

— На мехмат.

— А я на географический.

Карина отстранилась и опустила глаза. Длинные ресницы затрепетали, губы сложились в бантик. Макс помрачнел. В позе Карины чувствовалась нарочитая театральность.

— Прогуляемся?

— Не могу, — сухо ответил Макс. — Надо готовиться к экзамену.

Карина улыбнулась.

— Тогда до встречи.

Макс проводил девушку взглядом. Узкие бёдра, прямая спина, стройные ноги. «Что и говорить, симпатичная. Но слишком манерная». Однако тело рассудило иначе. Оно откликнулось на красоту и... запомнило это ощущение.

Глава 7

К середине июля экзамены закончились. Максимилиан получил две пятёрки по математике, четвёрку по физике, четвёрку за сочинение и прошёл на мехмат.

Лиза и толстуха тоже прошли. Увидев себя в списке, рыжеволосая завизжала от радости и бросилась Лизе на шею.

— Я же говорила, что пройду. Вот... смотрите.

— Настя, ты — умница, — улыбнулась Лиза.

— Всё почему? Верила.

Настя отстранилась от Лизы и прошептала:

— Когда в прошлом году вернулась домой, сосед по лестничной площадке сказал: «Попытайся ещё раз, но с безусловной верой в победу».

Лиза сложила ладошки и поднесла их ко рту. Макс уже знал: этот жест означал крайнюю степень волнения.

— Твой сосед — мудрый человек. — От его мудрости даже страшно.

— Почему? — удивился Макс.

Он стоял рядом и сиял от удовольствия. Всё отлично. Он и Лиза — будущие студенты. Впереди новые встречи, разговоры, новая жизнь. Словом, сплошная радость.

— Сам подумай, — ответила Настя. — Мудрый человек как рентген. Глянет на тебя — и всё ясно.

— Да уж, — рассмеялась Лиза.

— О чём речь? — спросил очкарик.

— О вере в себя, — ответила Настя.

— В моём случае она не сработала.

— Что будешь делать?

— Возьму выписку из деканата и отнесу в пединститут. Шестнадцати баллов хватит.

— Успехов тебе, — сказал Макс.

— Спасибо.

Очкарик пожал Максу руку, обнял Лизу и Настю и, усмехнувшись, добавил:

— Смотрите, не напрягайтесь. Студенты мехмата — первые претенденты в Кашенко.

Отвесив очкарику подзатыльник, Настя воскликнула:

— Сам не свихнись.

«Ну и манеры», подумал Максимилиан. Очкарик ушёл, а Макс пригласил девушек в профессорскую столовую. Те согласились.

Профессорская столовая находилась рядом с актовым залом. Здесь обедали преподаватели, аспиранты и студенты старших курсов. Все остальные ходили в столовую зоны «Б» или зоны «В». И вот почему. В студенческих столовых комплексный обед стоил сорок копеек, а стоимость обеда по выбору не превышала восьмидесяти копеек. В профессорской столовой обед обходился в полтора рубля. К тому же среднестатистическому студенту было приятней обедать в окружении шума и гама. По этому показателю Макс не походил на рядового студента. Он тянулся к элитным обедам и не любил шума. Для себя Макс решил, что будет обедать только в профессорской столовой. Это заведение ему понравилось тогда, когда обедал здесь с отцом. Помнится, Максимилиан спросил, почему столовую не назвали рестораном.

— Из экономических соображений, — ответил Александр Владимирович. — Обслуживание и еда — на уровне ресторана, а цены существенно ниже.

Девушки ещё не были в профессорской столовой, поэтому держались скованно. Макс усадил Лизу и Настю за стол и взял меню.

— Что будем заказывать?

— Решай сам, — ответила Настя.

— Возьмём суп-пюре, ростбиф с картошкой и вишнёвое желе.

— Не лопнем? — рассмеялась Лиза.

Макс не ответил и направился к кассе. Он достал пять рублей и, оплатив заказ, вернулся за стол. Наклонившись друг к другу, девушки о чём-то шептались. Макс улыбнулся. Он чувствовал себя джентльменом.

К столу подошла официантка. Она взяла чек и спросила:

— Кутите?

— В некотором роде, — ответил Макс. — Отмечаем поступление в МГУ.

— Поздравляю.

Официантка ушла, и Макс посмотрел на девушек. Пока не принесут первое блюдо, нужно их развлекать. Но как? У отца бы проблем не было. Рассказал бы историю, по-дружески пошутил.

— На какую тему писали сочинение? — начал разговор Макс.

Настя потянулась к хлебу, принесённому официанткой, и с готовностью ответила:

— «Ленин с нами». А ты?

— «Маяковский о времени и о себе».

— А я выбрала «Мысль народная в романе Толстого „Война и мир“», — ответила Лиза.

Макс видел: темы сочинений Лизу не волнуют. Она смотрела на Настю и о чём-то думала.

Наконец спросила:

— Скажи, безусловная вера — это что?

— Вера без всяких условий, — ответила Настя.

Лиза поставила локти на стол и сложила ладошки у губ.

— Не поняла.

Оторвавшись от хлеба, Настя задумалась.

— Как бы тебе объяснить... Я просто поверила в себя. Понимаешь? Убрала все сомнения и сказала: пройду и точка.

Лиза качнула головой.

— По-моему, это — самоуверенность. Впрочем, не знаю.

Поглядев на Макса, Лиза добавила:

— По поводу Маяковского скажу так: он для меня — «человек в футляре». Не понимаю его стихов.

Макс удивился.

— Маяковский играл на публику, — продолжила Лиза. — И франтил не для себя.

— Для кого же?

— Чтобы произвести впечатление. И вообще... Его фобия...

— Какая фобия?

В отличие от Лизы Максимилиану нравилась поэзия Маяковского. И Людмиле Ивановне тоже. Может потому, что Макс походил на Маяковского. Такой же высокий, стройный, тёмно-волосый. «И хмуришься так же», — не раз говорила Людмила Ивановна.

— Маяковский страдал бактериофобией, — сказала Лиза.

Настя встрепнулась.

— Да неужели?

— Известный факт.

Странно, что Макс не знает. Лиза потянулась к тарелке и, попробовав суп, продолжила:

— Когда Маяковскому было тринадцать лет, умер его отец. Уколол палец иголкой и заботал столбняк. С тех пор в Маяковском поселился страх. Он даже дверь открывал не по-людски — обернув руку платком.

— Ну и ну, — заметила Настя.

Она с жадностью ела суп, и её рыжие волосы пылали в свете многочисленных люстр. Макс был в замешательстве. Великий поэт и фобия. И какая-то убогая — страх перед бактериями. Лиза доела суп и подмигнула Макс. Тот покраснел и чуть не выронил ложку.

— Эх, ты. Любишь Маяковского, а не защищаешь. Я бы на твоём месте...

— Да ладно, — миролюбиво сказала Настя.

Она откинулась на спинку стула и погладила себя по животу.

— Вкусно.

— Суп с лисичками — мой любимый, — сказал Макс.

— Во-во. Лисички я сразу унюхала. У нас на Алтае их море. И маленькие, и большие. Папы-лисички, мамы-лисички, бабушки, дедушки, ребяташки... И все рыженькие. Как и я.

Лиза с Максом рассмеялись. Обстановка за столом разрядилась, и за ростбифом солировала Настя. Лисички потянули за собой рассказ об Алтае.

— Я приехала из столицы республики Алтай. Так что — не хухры-мухры. Настоящая столичная штучка.

Максимилиан и Лиза переглянулись. Настя — просто прелесть. Озорная, весёлая, открытая. Доев желе, троица встала и направилась к зоне «Б». У входа в общежитие девушки попрощались.

— Разве не погуляем? — спросил Макс.

— Надо собираться, — ответила Лиза. — Завтра уезжаю домой.

— Может, проводить?

— До вокзала сама доберусь.

Лиза открыла сумку и вытащила лист бумаги.

— Здесь мой адрес. Будет желание — пиши.

— Ты ответишь?

— Обязательно.

Лиза помахала рукой и скрылась в лифтовом холле. Настя приподнялась на цыпочки и чмокнула Макса в щёку.

— Спасибо за обед, — сказала она. — До встречи.

Кивнув, Макс направился к выходу. Несмотря на то, что погулять не удалось, настроение было отличным. Он сдал экзамены, поступил в МГУ, впереди — полтора месяца отдыха. К тому же, на щеке горел Настин поцелуй, а в кармане лежал Лизин адрес.

«Всё-таки хорошая штука — жизнь, — размышлял Макс по дороге домой. — Просто замечательная».

Глава 8

После отъезда Лизы Максимилиан погрузился в новые ощущения, и они гармонично вписались в буйство природы. Сочная листва, яркие цветы на клумбах — всё это нотки одной мелодии, и имя её — радость. Макс чувствовал радость во всём — в чирикании воробьёв, плеске Москвы-реки, улыбках прохожих. Казалось, солнечные лучи затопили весь город, и каждый дом, каждый сквер, каждая подворотня окрасились в золотистый цвет.

Максимилиан наслаждался жизнью, он много читал, размышлял, гулял. Макс не задумывался над маршрутом, для него он с детства знаком — Ломоносовский проспект, улица Лебедева, университетский сквер. Макс подходил к скамейке у бюста Менделеева, садился и ждал. Кого? Лизу, конечно. Время от времени она появлялась и, закрыв ладошкой рот, замирала. Лизины глаза превращались в озёра, и в них перетекала небесная синь. За ней летели звёзды, солнце, луна. Синь застывала, и в Лизиних глазах отражался мир. Её мир. С радостью и печалью. Макс тянулся к синему миру, но тот не пускал к себе. Верней так: мир откликался, но двери держал на замке.

В один из июльских дней одиночество Макса было нарушено. Он, как всегда, сидел на скамейке и думал о Лизе. И тут послышался кашель.

— Кхе-кхе.

Макс обернулся. Бюст Менделеева ожил, и в каменных глазах появилось некое осмысленное выражение.

— Не трать время, сынок, — сказал Менделеев.

— Женщины — актрисы.

— Лиза — не актриса, — возразил Макс.

Менделеев вздохнул.

— Сердцем живёшь. Это пройдёт.

— Похоже, я влюбился.

Менделеев усмехнулся.

— Я видел твою девушку. Пока вы игрались передо мной, вспомнил Агнессу Фойгтман. Не женщина — огонь. Мы познакомились в Гейдельберге. Приехал на стажировку к Бунзену, а тут она. Ну, и пропал. Стоял перед Агнессой на коленях, ножку целовал. ... А она словно ветер. То в один город умчится, то в другой. За скандалами шли примирения, за слезами — поцелуи. Так и жили. Бунзен ворчал. Дескать, где это видано, чтобы талантливый учёный променял работу на женщину.

— И что — теперь жалеете? — спросил Макс.

— Да как сказать. Я получил год любви и дочку в придачу. Попутно нашёл температуру абсолютного кипения. Ха-ха-ха! Видимо, неслучайно. Я кипел, плевался жаром, чуть не сгорел с этой Агнессой.

В каменных глазах Менделеева блеснули слёзы. А может, показалось?

— Сыну рассказал о своей любви. Предупреждал. Всё мимо. Теперь решил поведать тебе.

— Зачем?

— Много мудришь.

Максимилиан не знал, что ответить. Сказать, что не мудрит, было бы неправильно, а приоткрыть душу он был не готов. И кому приоткрывать душу — бюсту? Менделеев попробовал повернуть голову, но не смог. Каменные глаза уставились на Макса, и тот увидел в них грусть. Максимилиан встал и подошёл к бюсту. На каменных губах сидела пушинка. Ни малейшего движения. Смахнув пушинку, Макс направился к набережной. В голове крутились новые имена: Агнесса Фойгтман и Бунзен. Раньше он их не слышал.

— Знаешь Агнессу Фойгтман и Бунзена? — спросил Макс у отца.

Александр Владимирович поднял брови. Дескать, откуда вопрос? Однако ответил, не задумываясь.

— Фойгтман — провинциальная актриса. Во время стажировки Менделеева в Германии была его любовницей. А Бунзен — немецкий химик. К нему Менделеев и приехал.

Просмотрев газету, Александр Владимирович встал с кресла и сделал десять приседаний. Затем направился в кабинет.

— С какой стати этот вопрос?

— Да так, — небрежно ответил Макс.

— Познакомился с парнем-химиком, он рассказал о Менделееве.

— Похоже, твой новый знакомый — эрудит, — заметил Александр Владимирович.

— Почему?

— Историю любви Менделеева мало кто знает.

Макс подошёл к книжному шкафу и увидел красную папку. На ней было написано: Андрэ Маруа «Письма незнакомке».

«Видимо, мамин перевод», — подумал Макс.

Достав рукописные листы, он сел в кресло и приступил к чтению.

«Вы существуете, и вместе с тем вас нет. Когда один мой друг предложил мне писать вам раз в неделю, я мысленно нарисовал себе ваш образ. Я создал вас прекрасной — и лицом, и разумом...»

Содержание писем так увлекло Макса, что он читал, не отрываясь. В тексте было всё, что волновало душу.

«Вы упрекаете меня за сдержанность, за мой неизменный сентиментальный морализм. Но что поделаешь?»

В комнату вошла Людмила Ивановна.

— Можно почитать этот перевод? — спросил Макс.

— Конечно, милый. «Письма незнакомке» — классика.

Макс лёг в кровать и читал до глубокой ночи. Выключив свет, он решил завтра написать Лизе письмо.

Однако сразу ничего не получилось. Макс даже не предполагал, какой это труд — написать письмо. Он не собирался изливать чувства, просто хотел напомнить о себе. Но как? Рассказать о прочитанном?

Макс мучился несколько часов. Написав пару предложений, он рвал письмо и бросал в мусорную корзину. Затем погружался в себя и смотрел в окно. Макс хмурился, теребил волосы, грыз ручку. Словом, испытывал адские муки.

В таком состоянии Макса увидел Александр Владимирович. Он тихо вошёл в комнату и остановился за спиной сына.

— Чем занимаешься?

Максимилиан вздрогнул и лихорадочно осмотрел стол. Стопка учебников по английскому языку, словарь, чистые листы бумаги. Никаких улик.

Макс повернулся к отцу.

— Дурью маюсь, — ответил он.

— Маяться дурью опасно, — сказал Александр Владимирович.

— Слышал о развитии по спирали?

— Нет.

Максимилиан взглянул на отца и понял: тот настроен на разговор. Свеж, как всегда. Подтянут. И хорошо одет. Светлая тенниска, лёгкие брюки, запах хорошего одеколона. Александр Владимирович прошёлся по комнате и, сложив на груди руки, остановился у стола.

— Человечество переживает особый момент, — начал он. — Можно сказать, несётся по восходящей спирали. Она напоминает панцирь египетской улитки.

Александр Владимирович замолчал и посмотрел на сына.

— Представил?

Макс чувствовал, что отец затронул интересную тему, но ему хотелось одного — вернуться к письму.

— Физические исследования подтверждают: любая спираль имеет моменты вращения, — погладив бородку, продолжил Александр Владимирович. — Они находятся в точках изменения направления движения. Здесь образуется импульс, и тот, кто его проморгал, будет сме-тён. Понял?

Макс кивнул. Слова отца пробили барьер, и Макса охватила тревога.

Перед глазами появилась картинка. Яркое солнце, синее небо, множество железнодорожных путей. Рельсы сверкали на солнце, между ними — пространства земли. Максимилиан чувствовал, как душу сжимает страх. И тут ещё ветер. Он выскочил из-за косогора и принёс звуки тревожных гудков. На горизонте появились поезда. Сотни поездов. Они неслись прямо на Макса. Некоторое время Макс смотрел на гигантский каток, затем побежал. Он нёсся на пределе своих возможностей. Поезда оглушительно свистели. Они приближались, с ними летел ветер. Непонятно почему, но Макс чувствовал: ветер — друг. Его энергетика придавала силы. Макс бежал быстрее и быстрее. И вдруг рельсы повернули направо. Макс, подхваченный ветром, поднялся в небо. Он летел в воздушном потоке и видел блестящую спираль и сотни поездов. Все они неслись в одном направлении. Поезда были как на ладони. Вот они приблизились к последнему витку и, свистнув с надрывом, пропали в чёрной дыре. Были — и нет. Ни гудков, ни стука колёс, ни свиста ветра. Небо и рельсы. А между ними Макс.

И вдруг тишину наполнил голос отца:

— Каждый стоит перед выбором — или влиться в поток, или войти с ним в противоречие. В первом случае мы расширяем границы своего мира, во втором — падаем вниз.

Взглянув на часы, Александр Владимирович направился к двери.

— Маяться дурью... Эко какое важное дело.

Макс повернулся к столу и задумался. Он испытывал странное состояние: разговор с отцом не радовал. Такое впечатление, что между ним и отцом выросла стена. То, что стену сложил Макс, не вызывало сомнений. Но зачем? Надоел отцовский контроль? Или появилось желание стать самостоятельным? Вероятно, так.

В учебнике по зоологии Макс когда-то читал: между взрослыми самцами всегда возникает соперничество. Макс усмехнулся. «Сложно представить соперничество между мной и отцом. Как говорится, разные весовые категории».

Макс опять подошёл к шкафу и отодвинул книги. Вот она — заветная тетрадь в чёрном переплёте. Почему бы не поделиться с Лизой мыслями из дневника? Поиск себя, искренность... Лизе это понравится.

Максимилиан вернулся за стол и начал писать.

«21 июля 1971 г.

Здравствуй, Лиза!

Полистав дневник, я увидел, что чаще всего пишу о событиях. Сокровенные мысли записывать не люблю. Вдруг кто-нибудь прочтёт.

И вообще... Зачем обнажаться перед людьми? Человек без тайн не интересен. Стоит будто голый — открыт всем ветрам. По мне, лучше спрятать чудинки и беречь их от чужого взгляда.

Помнишь Щукаря в «Поднятой целине»? Кем бы он был без чудинок? Просто дедом. А тут — уникум. Энциклопедический словарь читает, петухов слушает, в интересные истории

попадает. И у Нагульнова есть чудинка. Учит чужой язык, чтобы общаться с мировым пролетариатом. С одной стороны смешно, с другой — любопытно.

Чувствую, и у меня есть чудинки. Как думаешь?

С приветом,

Максимилиан».

Макс перечитал письмо и остался доволен. Он собрал черновики, спрятал письмо в карман и, зайдя к матери, сказал:

— Прогуляюсь немного.

— Правильно сделаешь, — не отрываясь от перевода, ответила Людмила Ивановна.

Макс выбросил черновики в помойку и направился к киоску «Союзпечать». Он выбрал конверт с ландышем на картинке, засунул в него письмо, написал адрес и, отыскав ящик для почтовых отправлений, просунул письмо в узкую щель.

«Ну вот — дело сделано».

Стоило отправить письмо, как Макс потерял покой. Вдруг Лиза не ответит? Вдруг её письмо достанет отец? Макс бегал к почтовому ящику по пять раз на день. И каждый раз приходилось что-то объяснять. То нужно сходить в киоск, то хорошо бы вынести мусор, то неплохо бы прогуляться... Короче, Макс стал слишком активен.

Наконец ответ появился. Лизино письмо лежало вместе с журналом «Новый мир». Белый конверт, скромная марка, на картинке — турбаза. Макс понюхал письмо и, озираясь по сторонам, опустил его в карман. Забежав домой, он положил журнал на стол и крикнул матери:

— Я гулять.

— Да-да, милый, — послышался ответ.

Макс кубарем скатился вниз и направился к университету. Он дошёл до сквера и уселся на скамейку, стоявшую у бюста Докучаева. Сердце билось в рёбра и не хотело успокаиваться. Наконец, Макс разорвал конверт и уставился на ровные строчки.

Сначала он ничего не понял. Отметил про себя, что почерк — аккуратный, письмо — в полстраницы, написано на тетрадном листе.

Наконец он успокоился и начал читать.

«28.07.12

Максимилиан, добрый день!

Сразу предупреждаю: писать не люблю и не умею. Сидя за сочинением, всегда чертыхаюсь. Лучшие бы сто задач решила. Дневник никогда не вела. Мне это ни к чему. Свои мысли держу при себе — так надёжней. И ничего прятать не надо. Думаю так: если хочешь высказаться — пожалуйста; не хочешь — спрячь свои мысли и молчи.

Ты пишешь: «человек без тайн не интересен». Согласна. Хотя признаюсь, раньше не думала об этом.

Если появится возможность, приезжай в гости. Мои родители — люди простые. Будут рады. Сходим на Волгу, искупаемся, позагорает. Тогда и поговорим.

Добраться до Редкино нетрудно. С Ленинградского вокзала курсируют электрички Москва — Калинин. Для ориентира — три предыдущие станции: Черничная, Завидово, Московское море. Последнюю не пропустишь. На самом деле, это — Ивановское водохранилище. Оно и есть главный ориентир.

Если надумаешь приехать, дай телеграмму. Я встречу.

Лиза».

Максимилиан покрылся испариной.

«Пригласила в гости. Значит...»

Он встал. Ему хотелось смеяться и, запрокинув голову, смотреть на небо. Да-да, смотреть в синюю даль. Не там ли ответы на все вопросы? Свет, простор, невидимые миры. Они есть, нет только первооткрывателей. И оттуда — с неба — приходят важные мысли.

«Кто их посылает? — думал Макс. — Отец говорил, мысль — действие разума. Какого — человеческого или...? „Или“ отец никогда не рассматривал. Но почему? Человеческий разум — ещё не всё, это очевидно. Взять, например, меня. Я слышу многие голоса — каменной кувшинки, например, ветра, Главного корпуса, Менделеева. Слышу, и это — факт. Как эти голоса находят дорогу — через разум?»

Макс остановился на набережной. Взгляд побежал к Лужникам и, перелетев Большую спортивную арену, уткнулся в Новодевичий монастырь. Купол собора Смоленской иконы Божьей Матери казался генератором света.

Макс зажмурился. Свет волновал, проникал внутрь, вызывал радость и отключал разум. «В-о-о-о-от! Свет, идущий от собора, выше разума. Он связан с тем, о чём отец не говорит. И ответ один: с Тем, кто за пределами разума, у отца нет связи». У Максимилиана перехватило дыхание.

— Нет, и никогда не было, — пробормотал он.

Макс глубоко вздохнул и пошёл домой. Письмо лежало в кармане и грело сердце.

«Вот чудеса, маленький лист бумаги, и... греет».

Глава 9

Седьмого августа Максимилиан отправил телеграмму: «Приеду завтра часовой электричкой». Это был смелый шаг.

С одной стороны — всё сложилось как нельзя лучше: Александр Владимирович уехал в Ташкент. С другой... — Людмила Ивановна ничего не знала. Макс отрезал все пути к отступлению. Отправив телеграмму, он решил поговорить с матерью.

«Но как? — мучился он. — Варианта два. Первый — рассказать всё как есть. Вторым — что-то придумать. Ну, например, некоего друга с дачей на Волге». Первый вариант Максиму нравился больше. «Мама не заслуживает вранья. Она поймёт. Должна понять». Войдя в квартиру, Макс направился к матери.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.